Палата пыток

или «Смута трубадура» — средневековое сценическое произведение

Павел Бернацкий, Краков, 2026

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
ТРУБАДУР
ИНКВИЗИТОР
ПАЛАЧ

Сцена 1
Камера пыток
ТРУБАДУР
ИНКВИЗИТОР

ИНКВИЗИТОР:
Пусть входит. Их там ещё много?

ТРУБАДУР:
Добрый день! Я хотел…

ИНКВИЗИТОР:
Здесь я задаю вопросы. Я спрашиваю, сколько их ещё ждёт в очереди. Клиентов, то есть…

ТРУБАДУР:
Нет — я последний.

(*кланяется*)
Пюрковский. Трубадур.

ИНКВИЗИТОР:
Ааа — трубадур. Я — Справедлицкий. Инквизитор Справедлицкий. Прошу вас, присаживайтесь. Прошу прощения, я сразу не заметил по вашим изысканным манерам и убогой одежде, что имею дело с образованным человеком. По какому делу вы пришли?

ТРУБАДУР:
По поводу костра. То есть… я хотел покаяться. Признаться в ереси. Понимаете, господин Справедлицкий, я считаю, что ваша обязанность — сжечь меня на костре. Я должен быть наказан за ужасные преступления, которые осмелился совершить…

ИНКВИЗИТОР:
Вы… Как вас зовут, простите?

ТРУБАДУР:
Пюрковский.

ИНКВИЗИТОР:
Господин Пюрковский, вы желаете быть сожженным на костре? Я так понимаю, на Рыночной площади, с большой церемонией, объявленной герольдами, при многолюдной толпе, в присутствии каштеляна и высших сановников Королевства, с музыкой, жонглерами, звоном колоколов, звуками труб, грохотом барабанов, сахарной ватой и так далее...

ТРУБАДУР:
Да. За ересь.

ИНКВИЗИТОР:
А вы осознаете, господин…

ТРУБАДУР:
Пюрковский.

ИНКВИЗИТОР:
А вы, господин Пюрковский, осознаете, во сколько обходится такая церемония сожжения на костре? Расходы на герольдов, высокопоставленных лиц, стражников, расходы на топливо… Вы думаете, кто за это должен платить? Я? Ведь вы не похожи на человека, который может себе позволить даже половину ощипка…

ТРУБАДУР:
По правде говоря, господин Справедлицкий…

ИНКВИЗИТОР: (поправляя)
Господин инквизитор, или, вернее, инквизитор Справедлицкий…

ТРУБАДУР:
Да. Итак, господин инквизитор, я рассматривал это не столько с точки зрения затрат, сколько с точки зрения обязанностей. Королевство обязано наказать меня за совершение гнусного преступления, каким является ересь.

ИНКВИЗИТОР:
За счёт бюджета, да, господин Пиурковский? Вы думаете, что бюджет — резиновая вещь? Что казна Королевства всё выдержит? Вы помните об обязанностях Королевства, а о своих собственных обязанностях уже забываете? Разве вам, господин Пюрковский, в школе не говорили, что мы — государство без костров?

ТРУБАДУР:
Да, конечно, говорили, господин инквизитор. Но объясняли это терпимостью, которой по праву славится наше Королевство… Но я пришёл к выводу, что и у терпимости должны быть какие-то пределы. Поэтому я подумал, что в порядке исключения, как подданный, я заслуживаю самого сурового наказания.

ИНКВИЗИТОР:
Потому что вам это положено, не так ли, господин Пиурковский? Это претенциозное отношение, господин! Вы, наверное, осознаете, что в современном мире терпимость — да, она важна, но в первую очередь важен экономический расчёт! Мы являемся государством, в котором нет костров, не потому, что нами движет такая идея, что мы не сжигаем людей. Не сжигаем на кострах, разумеется. Дело в том, чтобы не тратить впустую ценные средства, полученные из кредитов, тайно взятых под ростовщические проценты у финансовых учреждений, на прихоти таких людей, как вы, господин Пюрковский! Есть ли у вас средства, чтобы покрыть хотя бы часть расходов на сожжение на костре?

ТРУБАДУР:
В настоящее время… Признаюсь, господин инквизитор, у меня, правда, в распоряжении всего лишь четыре талера, из которых, не скрою, один я кому-то должен и должен вернуть до вечера… Тем не менее, как подданный, да ещё и трубадур, я, пожалуй, заслуживаю того, чтобы Королевство вложило средства в мой талант. Я талантлив, у меня блестящие перспективы, и,

несомненно, если бы меня сожгли на костре, популярность моих произведений возросла бы неимоверно. Их можно было бы выгодно издать, у типографов появилась бы работа, музыканты исполняли бы их, толпа получила бы доступ к культуре, выросли бы доходы Королевства от туризма… Затраты на сожжение меня на костре окупились бы менее чем за год, если не раньше. А потом — уже только прибыль, чистая прибыль…

ИНКВИЗИТОР:

Господин Пюрковский, я понимаю ваш энтузиазм и не хочу быть резким. Но разве не было бы разумнее, господин Пюрковский, если бы вы сначала привели в порядок свои собственные финансы, прежде чем браться за наведение порядка в финансах Королевства? Ведь вы знаете, что любая инвестиция сопряжена с риском. Бюджет — это не какой-то «Сезам», а казна Королевства — не неиссякаемый источник золота. Вы хотели бы, чтобы в вас вложили деньги из бюджета, а значит, по сути, деньги простолюдинов, деньги, поступающие от дани, от уплаты которой упомянутые простолюдины как можно более добросовестно уклоняются… Кроме того, вы хотите, чтобы из тех скудных доходов, которые Королевство получает от грабежа народа и от тайного, скрываемого от этого народа, взятия кредитов, именно в вас инвестировали. То есть расходы на инвестиции должны покрываться за счёт государственных средств. А прибыль достанется вам, господин Пюрковский? Государственные расходы, а прибыль — ваша, так я должен это понимать?

ТРУБАДУР:

Но я думал исключительно о моральной выгоде. Я таким образом покажу всему миру, что хотя меня и сожгли на костре, хотя все осудили моё гнусное преступление, в конечном счёте прав был именно я! Согласно закону, вся материальная прибыль от упомянутой инвестиции досталась бы Королевству! Они были бы, так сказать, конфискованы in spe, причём совершенно справедливо… Я хочу лишь, чтобы меня услышали, хочу почувствовать сейчас хотя бы тень того мстительного удовлетворения, которое питает в себе каждый недооценённый гений… Что всё обернулось в мою пользу!

ИНКВИЗИТОР:

Я даже не спрашиваю, откуда вы… Ваша логика говорит яснее любого документа. Позвольте, господин Пюрковский, указать на одно слабое место в вашем плане. Если мы осудим вашу ересь и сочтём её достаточным поводом для инвестиций в вас, то ведь мы не сможем потом издавать ваши произведения! Вы не видите в этом противоречия, господин Пюрковский?

ТРУБАДУР:

Конечно же, нет! Господин инквизитор, пожалуй, не совсем точно меня поняли. Все мои произведения абсолютно правоверны и не содержат ни одной еретической мысли! Эта ересь — всего лишь маркетинговый ход. Об ереси можно будет забыть сразу же, как только догорит мой костёр. Зато я убеждён, что публике понравится этот посыл. Я боролся в безнадёжной ситуации, вопреки всем, я был совершенно невиновен и сам не совершил ни одной ошибки. Просто чистая злоба, несправедливость и зависть со стороны тех, кто завидовал моему гению. Главное, что в конце концов всё обернулось в мою пользу! Я был прав, хотя и не получил ничего за то, что был прав!

ИНКВИЗИТОР:

Ладно. Ничего не обещаю. Королевство обязалось сократить выбросы продуктов сгорания, отсюда и установленное сверху ограничение на количество сжигаемых костров. Мы

обязаны соблюдать строгие нормы. Но попробуйте. В чём же заключается ваша ересь, господин Пюрковский?

ТРУБАДУР:

Эта ересь, господин инквизитор, основана на моем мнении, что все религиозные убеждения, разрешенные в нашем Королевстве, одинаково хороши! Отсюда следует, что одинаково хороши и все религиозные учреждения, которые в соответствии с законом извлекают из этих убеждений выгоду. Это, в свою очередь, оправдывает…

ИНКВИЗИТОР:

… это ни с чем не согласуется, господин Пиурковский. Мне придётся вас огорчить. Это положение одной из статей Основного закона нашего Королевства, а не какая-то ересь… Вы не в курсе текущего состояния законодательства.

ТРУБАДУР:

Ну, тогда, может быть, вот что: в глубине души я убеждён, что те религиозные убеждения, которые приносят наибольшую прибыль, а значит, и самая крупная религиозная организация в нашем Королевстве — это вообще самое ужасное! Это самые ужасные убеждения и самая ужасная религиозная организация из всех возможных убеждений и организаций!

ИНКВИЗИТОР: (*взрывается хохотом*)

Вы в глубине души придерживаетесь такого убеждения? Господин Пюрковский… Это прямо прописано в официальных документах упомянутой религиозной организации. Вы со своей ересью опоздали на сто лет! Господин Пюрковский…

ТРУБАДУР:

Может быть, это вас убедит: вот я уже много лет веду кампанию ненависти, направленную лично против вас, а также против учреждения, которое вы, господин инквизитор, удостоили собой представлять! Я публично нападаю на Инквизицию, обвиняю её в жестокости, фанатизме и применении пыток к невиновно осуждённым!

ИНКВИЗИТОР:

Что ж, теперь подумайте, что мне следует сделать. Ведь если я прикажу сжечь вас на костре, то не только нанесу ущерб репутации Королевства, не только нарушу согласованные в договорах лимиты на сожжение, но и, к тому же, за счет денег Королевства придам вам авторитет! Вы не понимаете, какой абсурд в том, чего вы от меня требуете, господин Пюрковский? Ваша деятельность, направленная против меня лично, а также против Инквизиции, — это как раз и есть аргумент в пользу того, чтобы отпустить вас на свободу! А пытки… Пытки в Королевстве совершенно законны. Вы когда-нибудь видели Палату пыток без пыток, господин Пюрковский? Что касается невиновности осуждённых — в моём распоряжении имеется обширная документация, из которой ясно следует, что все осуждённые, подвергнутые пыткам, признали свою вину! Вы хотите поставить под сомнение их право на признание вины? У вас склонность к тоталитаризму, господин Пюрковский!

ТРУБАДУР:

Это ещё не всё, господин инквизитор! Я намерен совершить отступничество!

ИНКВИЗИТОР:

Отступничество на этаж выше, гербовый сбор составляет пять талеров.

ТРУБАДУР:

Ну, но у меня всего четыре талера, и один, как я уже говорил, я должен сегодня отдать. Значит ли это, что я не имею права даже на отречение?

ИНКВИЗИТОР:

Это означает лишь то, что сегодня вы не сможете совершить отречение. Разве что вам удастся одолжить у кого-нибудь.

ТРУБАДУР:

Я не осмеливался просить об этом, но раз вы сами предлагаете… Если бы вы, инквизитор, были так любезны… Всего два талера. Одолжите. Я верну, клянусь. Мне обещали должность писца.

ИНКВИЗИТОР:

Нет, ну, это уже перебор. Вы приходите в лучшую Палату пыток во всём Королевстве, пользующуюся, к тому же, репутацией, выходящей далеко за пределы этого Королевства. Вы рисуете инквизитору в моем лице картины каких-то утопических прибылей, лишь бы вас сожгли на костре. Вы лжесвидетельствуете, что являетесь еретиком, а все ваши так называемые ереси оказываются совершенно законными и соответствующими закону. И вы пытаетесь одолжить у инквизитора два талера?

ТРУБАДУР:

Но, господин инквизитор, позвольте вам только выслушать…

ИНКВИЗИТОР:

Нет, теперь вы послушайте, господин Пюрковский. Я знаю, о чём вы. Вы не можете себе позволить место на кладбище, связанный с этим налог на недвижимость, похороны, налог на похороны, налог на налог — вы вообще ни на что не можете себе позволить. Это значит, что у вас нет никаких доходов, а из этого следует, что на рынке вы являетесь совершенно лишним элементом. Вы никоим образом не обогащаете Королевство! Вы придумали, что устроите себе эвтаназию, кремацию, похороны и, в придачу, ещё и рекламу за счёт бюджета этого самого Королевства, обременяя этот бюджет дополнительными расходами на инвестиционный риск. А если инвестиция не удастся, что мы тогда будем делать? Ведь кремация — это необратимый процесс! Как мы привлечём вас к ответственности, если вас уже не будет? Продадим ваш прах на свободном рынке?

ТРУБАДУР:

Ситуация не так безнадёжна, господин инквизитор. Прах еретиков достигает заоблачных цен на мировых рынках. Если бы умело провести маркетинговую кампанию…

ИНКВИЗИТОР:

Но, господин Пюрковский! В такую кампанию пришлось бы снова вкладывать средства! А чтобы вложить средства, нужно брать кредиты. Факт получения кредитов должен быть тщательно засекречен, чтобы толпа, которой в конечном итоге придётся их погашать, узнала об этом как можно позже. На такие кредиты начисляются гораздо более высокие проценты, поскольку они сопряжены с риском, что кто-то всё-таки вынюхает, что происходит. Вы

прекрасно знаете, что если мы возьмём такие кредиты, чтобы продать ваши прах, утверждая, что это прах самого закоренелого еретика, сожжённого на костре, то та же самая организация, которая их нам предоставила, немедленно вложит столько же в акцию, призванную доказать прямо противоположное!

ТРУБАДУР:

Простите, господин инквизитор. Я немного запутался. Зачем учреждению, выдающему кредиты, вкладывать средства в то, что потенциально затруднит их погашение?

ИНКВИЗИТОР:

Именно для того, чтобы затруднить их погашение! Чтобы наложить на нас штрафы за невыполнение договора! Если мы проведем кампанию, представляющую вас как еретика, то тут же появится фонд защиты вашей доброй репутации. Хорошо оплачиваемые специалисты докажут, что вы никогда не были еретиком. Все для того, чтобы рыночная стоимость ваших прахов как еретика рухнула вниз. Тогда нам придётся покрыть расходы на неудачную инвестицию, не имея уже никакой надежды на какой-либо возврат средств, ваши прах будут выкуплены за гроши, а потом, кто знает, упомянутый фонд может даже добиться вашей канонизации! Только вот мы от этого уже ничего не получим, потому что к тому времени избавимся от всего, что имело хоть какую-то ценность! Включая ваши прах!

ТРУБАДУР:

Да, действительно. Я… простите, вы, господин инквизитор, открыли мне глаза. Мне нужно всё это обдумать.

ИНКВИЗИТОР:

Подождите, господин. Сейчас придет палач, он здесь работает на полную ставку. А у меня в этой камере пыток только договор на выполнение конкретной работы.

ТРУБАДУР:

Конечно. Тогда я останусь. У меня в голове крутится такая мысль…

ИНКВИЗИТОР:

Предупреждаю заранее. Не предлагайте ему себя в качестве подмастерья, господин Пюрковский. Он профессионал старой закалки. Скажу вам, работа для него — это всё. Он человек с душой. Мы с ним на «ты», но было бы вежливо, если бы вы обращались к нему «Мастер» или даже «Мастер-палач». Ну и, как вы сами понимаете, он не в курсе последних тенденций придворной музыки.

ТРУБАДУР:

У него нет слуха?

ИНКВИЗИТОР:

Нет, у него, конечно, есть слух. Даже неплохой. Мне нужно на минутку выйти, у вас, господа, будет возможность поближе познакомиться.

Сцена 2
Камера пыток
ТРУБАДУР
ПАЛАЧ

ПАЛАЧ:
Вы ко мне?

ТРУБАДУР:
Я — Пюрковский. Трубадур.

ПАЛАЧ:
Мастер Добромил. Очень приятно познакомиться. Извините, что не подаю руку, но я прямо с работы… У вас была запись? То есть… вы пришли как клиент…?

ТРУБАДУР:
Нет, пока нет. Я думал, что, возможно, воспользуюсь вашими услугами, поэтому и ждал. Была длинная очередь. У меня был один проект, но инквизитор Справедлицкий дал мне понять, что его ещё нужно обдумать.

ПАЛАЧ:
Посмотрите, что происходит. Во всём городе едва ли четыре камеры пыток. А раньше их было шестнадцать. Нас сократили, якобы для поддержания высокого качества услуг и адекватного уровня цен. И теперь люди стоят в очередях, чтобы воспользоваться услугами специалиста. Разве это когда-то было возможно? Дорогой господин… У вас ко мне какое-то дело? Дибы? Порка? Предупреждаю, что на сегодня у меня нет свободных мест. В моем возрасте человек уже не берет столько сверхурочных, как раньше. У меня услуги бронируются за месяц вперед.

ТРУБАДУР:
Нет, нет. Я сегодня не собираюсь устраивать сцену. Я имел в виду нечто более радикальное.

ПАЛАЧ:
Я думал, речь идёт о колодках или порке. Сейчас это самые популярные услуги. Перед выборами в Городской совет, господин Пюрковский, каждый кандидат хочет, чтобы его заковали в колодки. Или отпороли. Иногда берут в комплекте, так дешевле. Ну и, как известно, каждый, кого у нас публично выпороли, вызывает симпатию, поэтому люди рассчитывают на легкую рекламу. Пара молитв у позорного столба — это ему мало что стоит, да ещё и торгуется, хочет какую-нибудь скидку или льготу. Что, если его, например, выберут в ратушу или куда-то ещё, он сразу же прорекламирует мою «Палату пыток». Что, по сути, я должен выпороть его бесплатно, потому что он знаком с мэром или с кем-то ещё, и что для меня самого это какая-то невероятная реклама.

ТРУБАДУР:
Да, в нашей отрасли тоже встречается такое явление. Иногда даже неприятно слушать — из Кастеля доносятся какие-то ужасные вопли или стенания. Толпа паникует, спрашивает, не одаривает ли Кастелянова Кастеляна очередным потомком, или, может, с кем-то случилось

какое-то несчастье. А на самом деле кастелян за большие дукаты привез нового трубадура из заморских краев, потому что кто-то его порекомендовал, и слушает этого воя от утра до ночи. Он называет это меценатством, заботой об артистах и своим вкладом в культуру Королевства. А у местного артиста в кошельке нет и пяти талеров, и ему приходится прибегать к радикальным мерам. К тому же Кастеляну неловко признаться, что этот вояка из заморских стран его просто обманул, поэтому он делает вид, что его пение глубоко трогает его, и даже приказывает всем слугам, да и дворянам, тоже трогаться этим.

ПАЛАЧ:

Конечно, я знаю, что такое реклама, знаю, что она нужна в меру. Но без перебора. Мы, палачи, говорим, что нет ничего лучше довольного клиента. Я не объявляю о себе через герольда, это не по моему карману. Я простой человек, живу трудом своих рук и знанием своего дела. Сорок лет я машу этой секирой, господин Пюрковский. Сорок лет! Праздники, будни… Посмотрите — вот как выглядят измученные работой руки. И ничего, кроме колодки, порки, клеймения, обезглавливания, повешения… Палач — это искусство, требующее универсальности, господин Пиурковский.

ТРУБАДУР:

Вы даже вешаете?

ПАЛАЧ:

Господин! Я-то когда-то даже на кол вбивал! Из дальних городов приезжали, чтобы посмотреть. Что касается повешения, то сейчас уже так не вешают. Рынок меняется, спрос на услуги меняется. Раньше говорили, что топор и пень — это для знати, а повешают — это для черни. Но посчитайте сами — виселицу нужно поставить, потом разобрать. Это само собой не сделается. По крайней мере, двум подручным — заплатить. Веревочнику — заплатить. Священнику — заплатить. Геральду — заплатить. Гробовщику — заплатить. Плотнику — заплатить. А где дань мэру? А каштеляну? Все следят за каждым твоим шагом. Повешение не окупается. Пень дешевле, хотя и придираются, что не прилично рубить простых мужиков.

ТРУБАДУР:

Экономический расчёт, мастер Добромил. Кого из нас он не затрагивает… Я сам почти дворянин, а вынужден считать каждый талер. Дворянину по карману всё, а ты, человек, выскрикивайся перед толпой, которая в пении разбирается не больше, чем ворона в астрологии!

ПАЛАЧ:

Ну, с дворян даже прилично взять чуть больше. Дворянин сам понимает, что рано или поздно выяснится, сколько он дал палачу. Ему полагается сукно, он нанимает музыкантов, платит за колокол. Но как часто казнят дворян? Казнят простолюдинов. А если кто-то богаче, то торгуется так, что просто удивляешься. А человек же хотел бы съесть что-нибудь горячее после целого дня работы. Жене хотел бы принести угощение...

ТРУБАДУР:

Передайте, пожалуйста, привет уважаемой госпоже Палачихи!

ПАЛАЧ:

Скажу вам, господин Пюрковский, что это бриллиант, а не женщина. Да, просто бриллиант! Расскажу вам историю. Идем под руку, суббота, понятно, человек хочет отдохнуть. И кто-то мне кланяется. Я этого человека не узнаю, думаю, может, он кланяется не мне. А моя

тянет меня за рукав: «Старик! Клиент тебе кланяется!». Я пытаюсь вспомнить, а тот подходит, жмет мне руку. Говорит: «Мастер, наверное, меня не помните, но я… У Мастера такая рука! Как Мастер меня когда-то отшлепал, я это до сих пор помню!». И действительно! Я собственноручно выпорол его, лет тридцать назад! Бывший клиент! Я вспомнил его. Надежный мастер всегда будет в цене. У меня даже слезы на глаза навернулись, горло сдавило. Я не показал этого, вежливо говорю: «Буду рад видеть вас в будущем, уважаемый господин!».

ТРУБАДУР:

Позвольте спросить… Вы познакомились на работе?

ПАЛАЧ:

Да где же на работе… Она была приезжей, а я уже давно стал мастером. У меня была собственная «Палата пыток», причём в хорошем месте. Вы знаете, что это когда-то значило? Я был кем-то, господин Пюрковский! Вы слишком молоды, чтобы это помнить, но когда-то царил порядок, и каждый старался выполнять свою работу, если не идеально, то хотя бы по плану.

ТРУБАДУР:

Я знаю, о чём вы говорите, мастер Добромил. Я слышал об этих временах из рассказов. В ремесленных профессиях были разные выплаты, надбавки.

ПАЛАЧ:

Ремесленные гильдии были, господин Пиурковский! Это совсем другая история. Как трубадур вы, наверное, поете, господин Пюрковский, где только можно. У музыкантов нет гильдии, ведь это свободная профессия. А ремесленник имел свой вес. Я не говорю о халтурщиках. У нас за стаж работы можно было получить отпуск. Дополнительную жилплощадь. Пособие на неработающую жену. А сейчас у человека нет права голоса. Вы знаете, что в этом году мне снова повысили пенсионный возраст! Они что, рассчитывают, что я сам повешусь?

ТРУБАДУР:

Вы не можете этого сделать! То есть, конечно, вы можете, и, наверное, сделали бы это безупречно. Я хотел сказать, что вам не следует этого делать! Пожалуйста, помните о своей жене!

ПАЛАЧ:

Вы, господин Пюрковский, хороший человек. Вы умеете вжиться в ситуацию другого человека. В моей профессии говорят, что эмпатия — это не достоинство и что нужно отделять профессиональную жизнь от личной. Ну, с женой, как это бывает с женой, иногда мы ссоримся. Иногда приходится задержаться на работе, иногда случается какая-нибудь поездка, потому что нужен специалист. Бывает, что местный палач не хочет браться за задание, у него нет опыта в данной технике, есть особые требования…

ТРУБАДУР:

Да, я понимаю. Иногда вас нет дома. Но вы же не приносите работу домой?

ПАЛАЧ:

Сейчас это даже запрещено. Есть новые правила. Но в прежние времена такое бывало… Жена когда-то хотела помогать мне в работе, но я ей никогда не разрешал. У меня свои принципы. Она думает, что раз это выглядит так, будто получается без усилий, то и она бы

справилась. А однажды она мне сказала: «Знаешь, старик, я рада, что вышла за тебя, а не за того, кто учился на писца». Потому что у неё был поклонник, я его знал, он действительно учился на писца.

ТРУБАДУР:
Жених?

ПАЛАЧ:
Нет. Он там что-то вроде как замышлял, но я выбил это у него из головы. Потом на улице он меня вроде как не узнавал, думал, что сделает карьеру... Обещал ей несбыточные мечты, собственную карету. А теперь что? Сдалека снимает шляпу, когда меня видит, и говорит: «Мастер Добромил». Ну, я тоже ему кланяюсь, но — между нами говоря — помню, как он себя вел тогда, когда считал себя чем-то лучшим.

ТРУБАДУР:
Конечно, такие люди бывают. В нашей профессии есть такие, что как только однажды спели, скажем, для кастеляна, так уже не узнают человека и не хотят одолжить даже талара. Как будто только они вообще имеют право петь. Ведь петь может каждый.

ПАЛАЧ:
Я точно понимаю, о чём вы говорите. Не всегда требуется мастерство профессионала. Главное — понимание. Доброжелательность. Приведу вам пример из моей сферы. Я прихожу домой уставшим. Хочется только сесть и отдохнуть. Жена это понимает. Помню, она приносит с рынка петуха, ему нужно отрубить голову, а она говорит: «Сиди, старик, ты потрудился на работе, измотался, руки по локти в крови». И сама берет топор, чтобы отрубить ему эту голову. В наши дни, скажу я вам, единственное, чего не купишь, — это признание со стороны людей.

ТРУБАДУР:
Ваша история трогательна.

ПАЛАЧ:
Вы понимаете людей, господин Пюрковский. Вы — художник, это известно. Просто сейчас наступили такие времена, когда главное — не то, что ты умеешь, а то, популярен ли ты. Тот, кто нанимается на порку у позорного столба, становится чрезвычайно популярным уже благодаря одному тому, что его выпороли. Никто не задумывается, имеет ли смысл то, что он говорит. Важно, что его пороли. После нескольких таких порк и публичного раздавания милостыни у него появляется большой шанс попасть в Ратушу. Даже в Кастель. А тот, кто его порол, кто делает это профессионально, кто вкладывает в свою работу душу, — он, господин Пюрковский, для такого человека не имеет значения.

ТРУБАДУР:
Не говорите так, мастер Добромил! Ваша жена ценит вас! Инквизитор Справедлицкий ценит вас! Я уверен, что многие ваши клиенты сохранят о вас благодарную память. Ваша преданность делу видна даже в том, как вы говорите о своей работе.

ПАЛАЧ:
Вы так красиво об этом говорите, господин Пюрковский. Я так не умею. Известно, что работа палача — это физический труд, требующий скорее ловкости рук. У меня иногда даже руки дрожат от переутомления. Мне нравится моя работа, но признаюсь, что, глядя на молодое

поколение, я не вижу перспектив. Приходит какой-нибудь подмастерье, например, берет преступника на пытки, а потом через две молитвы бросает его, потому что ему нужно сбегать за гамбургером.

ТРУБАДУР:

Да, это звучит как некая небрежность. У молодого поколения нет этого трудового этика, привитого с детства.

ПАЛАЧ:

Это ещё ничего. Небольшой перерыв — не проблема. Но представьте себе, что когда у такого наступает конец смены, он оставляет работу, так сказать, в полном беспорядке, и преступник вынужден ждать до утра. Раньше, даже если у нас были временные трудности, человек труда пользовался уважением со стороны окружающих, но и сам относился к людям с уважением. Человек знал, что может ему доверять.

Сцена 3
Камера пыток
ТРУБАДУР
ИНКВИЗИТОР
ПАЛАЧ

ИНКВИЗИТОР:
Я уже здесь! Я то тут, то там. Сотрудничаю с различными Палатами пыток. Это, можно сказать, динамично развивающаяся сеть учреждений, предлагающих комплексные услуги палача. Господа, вы уже успели познакомиться. Как дела, господин Пюрковский? Вы обдумали свой проект?

ТРУБАДУР:
Признаюсь, господин Инквизитор открыл для меня новую перспективу. Мне пришла в голову похожая идея, но основанная на положениях закона об оскорблении величества. Знаете, господа, я, как трубадур, в некотором роде тоже литератор.

ИНКВИЗИТОР:
Ну, тогда за дело! Пусть вы пишете пьесы! Вы знаете, какие с этого деньги? Это сейчас серьёзный бизнес, господин Пюрковский.

ТРУБАДУР:
Что вы скажете? Деньги за написание пьес? Я всегда думал, что пьесы пишут те, кто уже действительно не годятся ни на какую другую работу. К тому же это же позор для всей провинции! Что бы сказали мои знакомые, если бы я признался, что пишу пьесы? Нет, я скорее думал о написании язвительных памфлетов. Слушателям это нравится. И у меня это получается очень легко. Достаточно точно охарактеризовать кого-нибудь, а потом как можно язвительнее высмеять.

ПАЛАЧ:
Господа, мне пора на работу. Клиент ждёт, и я обещал ему, что это не займёт много времени. Разве что у кого-то из вас есть для меня какие-то предложения.

ТРУБАДУР:
Тогда я буквально на минутку ещё задержу Мастера. Не считает ли Мастер, что, благодаря своим связям, он мог бы устроить мне хотя бы казнь мечом? Я имею в виду приговор за преступление оскорбления величества…

ИНКВИЗИТОР:
Полагаю, я знаю, что вы задумали, господин Пюрковский. Вы хотите теперь незаметно отказаться от ереси и признаться в совершении преступления оскорбления величества нашего милостивейшего монарха.

ПАЛАЧ:
Я никогда не слышал о чем-то подобном. Сам по себе я приговор вынести не могу, для этого нужен суд, приговор, доказательства, показания свидетелей… Я только приговоры исполняю, хотя, надо признать, мы в этой сфере все отлично разбираемся. Если вы считаете себя виновным в преступлении оскорбления величества, то вам нужно уплатить гербовый сбор, написать на себя донос и ждать. Но, хотя вы и молодой человек, господин Пюрковский, давайте

договоримся — это серьёзное дело, и, скорее всего, вы не доживете до вынесения приговора. А если и доживете, то мне почти наверняка не удастся его исполнить, хотя, конечно, я бы очень этого хотел. Вы мне очень понравились, господин Пюрковский.

ИНКВИЗИТОР:

Мастер Добромил имеет в виду особую скрупулезность, которой отличаются суды нашего Королевства при рассмотрении дел такого рода. Бывает, что человек совершает преступление в юности, а заслуженное наказание получает уже в старости. Хотя это дело, в принципе, не входит в юрисдикцию Инквизиции, не могли бы вы, господин Пюрковский, рассказать мне, какое именно преступление против величества нашего милостивейшего монарха вы имеете в виду? Возможно, я смогу чем-то помочь.

ТРУБАДУР:

Я… Я скажу, но, конечно же, в самой строгой тайне. Когда я создавал свои первые памфлеты, я заметил у себя тревожную склонность ставить под сомнение интеллектуальные способности нашего милостивейшего монарха.

ПАЛАЧ:

Господин Пюрковский… Это что, какая-то загадка? Скажите прямо, о чём вы говорите. Господин Справедлицкий? Может, вы переведёте?

ИНКВИЗИТОР:

Тише! Ни слова, Мастер. Я догадываюсь, в чём дело, но не могу оказать ни малейшего давления. В противном случае нас могут обвинить в том, что показания были получены под принуждением в Камере пыток инквизитором в присутствии палача. Господин Пюрковский… Не были бы вы так любезны и не могли бы высказаться чуть более ясно?

ТРУБАДУР:

Ну… Я публично намекнул, что наш король — глуповат!

ИНКВИЗИТОР:

Глуповат?

ТРУБАДУР:

Глуповат!

ИНКВИЗИТОР И ПАЛАЧ хохочут.

ИНКВИЗИТОР:

Это и есть ваше «преступление оскорбления величества»? То, что король глуповат? Господин… Он же полный идиот! Геральды порой не знают, как объявлять, а что он там несет! По всему Королевству ходят легенды о глупости нашего короля. Глуповат… Эти артисты.

ПАЛАЧ:

Господин Пюрковский! Может, я это объясню…

ИНКВИЗИТОР:

Нет, мастер Добромил! Сегодня я расскажу об этом своим замечательным коллегам-инквизиторам! Это будет история вечера! Дорогой господин Пиурковский. Вы бы назвали

мастера Добромила человеком нетактичным? Если вы назовёте мастера Добромила человеком нетактичным, а потом назовёте себя человеком грамотным, а потом, например, меня — человеком практичным, то вы всё равно не дотянете, даже не приблизитесь к тому уровню тактичности, которого вы были так любезны достичь своим определением нашего короля.

ТРУБАДУР:

Значит… мне ничего не грозит? Господа, вы намекаете, что я не совершил преступления оскорбления величества? Тогда, может быть… я брал взятки от соседних королевств за оказание закулисного влияния на политику нашего Королевства.

ИНКВИЗИТОР:

Не хочу показаться невежливым, господин Пюрковский, но ваше отчаяние — плохой советчик. Мы все здесь получаем вознаграждение. Если бы вы вообще имели к этому какое-то отношение, то не искали бы должности, а ломали бы голову над тем, какое из выгодных предложений выбрать. Если бы вы получали вознаграждение, то оно, наверное, составляло бы чуть больше тех четырёх таляров, которыми, если меня не подводит память, вы в настоящее время располагаете. А то влияние, которое вы оказываете на политику нашего Королевства…

ПАЛАЧ:

Господин Пюрковский! Я просто хотел сказать, что вы возвращаете мне веру в людей. По профессии я работаю с теми, кто хочет меня обмануть. Часто мне приходится прикладывать немало усилий, чтобы вытянуть из них хоть слово правды. Каждый из них непоколебимо верит в свою невиновность. И в то же время каждый лжет, как сумасшедший. А такого, как вы, я вижу впервые. Вы пытаетесь солгать, видите ли, но совершенно не умеете этого делать, господин Пюрковский.

(*подавая бумаги*)

Если захотите воспользоваться — у нас здесь разные скидки. Есть, например, абонемент: десять ударов плетью, один дополнительный удар в подарок. Лотерея с главным призом в виде закрепления в колодках. У нас есть такая программа лояльности: приведете нового клиента — получите скидку на наши услуги. И пусть у вас останутся о нас хорошие воспоминания. Если когда-нибудь окажетесь поблизости — загляните к нам без промедления. О, вот, пожалуйста, наши визитки — комплексные услуги палача, Палата пыток, Инквизитор Справедлицкий и Мастер-палач Добромил. Ну и, может быть, когда-нибудь, до встречи!

ИНКВИЗИТОР:

Мастер Добромил прав! Подумайте о тех пьесах. Только не пишите под своим настоящим именем, ведь для порядочного человека это действительно немного компрометирующе. Выберите себе какой-нибудь творческий псевдоним. Многие авторы так поступают — на всякий случай, чтобы потом можно было откреститься, что это не они написали. На случай, если пьеса окажется провалом. А если пьеса окажется хорошей, тогда вы сможете признаться в использовании псевдонима. Так это и работает, господин Пиурковский.

ТРУБАДУР:

Какой-нибудь псевдоним? Например, какой?

ИНКВИЗИТОР:

Любой. Выберите наугад. Или вот как — пусть Мастер назовёт фамилию того делинквента, который сейчас ждёт завершения процедуры. Пусть это будет ваш псевдоним, вы согласны, господин Пиурковский? Мастер, как его там? Как зовут этого делинквента?

ПАЛАЧ:

Бернацкий?